

КОРОНЫ

Пробуждение асуры 1

ЭЙДЗИ
НАЦУБАРА

18+

Эйдзи Нацубара
Литагент АСТ (новый
каталог ОСНОВНОЙ)
Кокон. Пробуждение
асуры. Книга 1
Серия «Хиты Азии. Кокон», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74073017

*Кокон. Пробуждение асуры. Книга 1 : роман / Эйдзи Нацубара ; перевод с японского Е. Ю. Старостиной: АСТ; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-184847-7*

Аннотация

Где больше людей, там больше и страданий...

Эпоха тэммэй. Эдо, район ёсивара.

Тайная организация «кокуун»...

Простолюдины не знают, что ее главная резиденция располагалась в самом сердце сегуната Токугава, в одном из лучших борделей города – «Куроба-я».

Рури – самая известная и первоклассная куртизанка, четвертая глава «Кокуун». Днем она развлекает клиентов, а по ночам уничтожает демонов, заполонивших Эдо.

Вооруженная зачарованным мечом, наслаждаясь данной ей свободой и властью, она вершит судьбы тех, кто умер с глубокой обидой в сердце. Богатые клиенты, доброжелательные друзья и коварные демоны... Все они так или иначе тянутся к ней...

Однако девушка вынуждена бороться не только с нежитью: ее пугает собственная необычайная сила.

Однажды ее лучшая подруга исчезает...

Содержание

Главные действующие лица	8
Префиксы и постфиксы	16
Пролог	17
Глава 1	23
Глава 2	32
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эйдзи Нацубара Кокон. Пробуждение асуры. Книга 1

Серия «Хиты Азии. Кокон»

#####

Natsubara Eiji

Cocoon

1

Cocoon. Shura no Mezame 1

Перевод с японского *Елены Старостиной*

Cocoon Shura no Mezame © 2020 Eiji Natsubara. All rights reserved. First published in 2019 in Japan by KODANSHA LTD., Tokyo. Publication rights for this Russian edition arranged through KODANSHA LTD., Tokyo.

KODANSHA

Cocoon Shura no Mezame, автор Eiji Natsubara

Копирайт © 2020 Eiji Natsubara

Иллюстрации © Satsuki Niku

Иллюстрация на обложке © Matsuo Hiromi

Впервые опубликовано в Японии в 2019 г. издательством
KODANSHA LTD., Токуо.

Русскоязычное издание печатается с разрешения
KODANSHA LTD., Токуо.

Издательство
АСТ

© Е. Ю. Старостина, перевод на русский язык, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Главные действующие лица

Работники «Куроба-я»

Рури

Главная героиня. Для всего мира она красавица-ойран¹, каких не видел свет, однако втайне она руководит демоноборческим отрядом.

Цукаса

Работница в том же заведении, что и Рури. Третья по популярности в «Куроба-я».

О-Кики

Хозяйка заведения. По неизвестным каналам добывает заказы на изгнание демонов.

Эйдзиро

Младший из двух братьев-близнецов. Обладает куда более добрым нравом, чем старший. Вместе с Тоёдзиро создает защитные барьеры.

Тоёдзиро

Старший из двух братьев-близнецов, слуг в ученичестве. Вместе с Эйдзиро создает защитные барьеры.

Гондзо

Здоровяк, кормящий своими яствами все заведение.

¹ Ойран (*яп. ##*) – куртизанки высокого ранга, умеющие развлекать гостей искусными выступлениями и интеллектуальной беседой. (*Здесь и далее – примеч. пер.*)

Раньше работал в рётэе². Орудует ваджрой³.

Дзёкити

Слуга пленительной наружности. Укладывает волосы Рюри. Во время охоты на демонов орудует посохом-сякудзё.

² Рётэй (*яп. ##*) – тип престижного традиционного ресторана, в котором гости сидят в отдельных помещениях и могут заказывать банкеты с приглашенными артистами.

³ Ваджра (*яп. ###*) – ритуальное и мифологическое оружие в индуизме и буддизме. (*Подробнее о др. видах оружия см. в глоссарии на с. 275.*)

ЦУКАСА

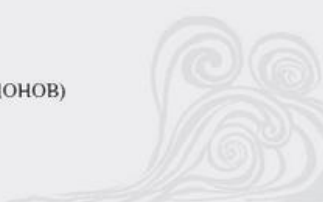
О-КИКУ

РУРИ

(РУРИ — ОХОТНИЦА НА ДЕМОНОВ)

ТОЁДЗИРО

(БЛИЗНЕЦЫ НА ЗАДАНИИ)

ГОНДЗО

ДЗЁКТИ

ЭЙДЗИРО

(ГОНДЗО И ДЗЁКТИ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ)

Духи

Сиро

Нэкомата⁴, то есть призрачный кот с раздвоенным хвостом. Мастер в искусстве превращений.

Тёсукэ

Содэбики-кодзо, обвязывающий огромную голову платком.

Цююха

Опрятная красавица и горная ведьма. Молодится.

О-Рэн

Дух старинной статуэтки в форме приносящего благополучие тануки.

Гася

Призрачный скелет, который частенько получает тумачоку от Рури.

Абурабо

Абура-сумаси, принявший вид горного монаха-ямабуси. Управляет огнем. Увлекается сакеварением.

Эн

С виду обыкновенная черепаховая кошка. Однако она понимает человеческую речь и на самом-то деле...

⁴ Подробнее о богах и магических созданиях см. на с. 277–285.

АБУРАБО

ТЁСУКЭ

СИРО

О-РЭН

ЦУЮХА

ЭН

ГАСЯ

Иллюстрации выполнены Нику Сацуки

Префиксы и постфиксы

О- – это префикс, передающий вежливый оттенок, особенно часто добавляемый к женским именам, но иногда входящий также в состав других слов для выражения почтительного отношения к предмету.

Постфикс – *дза-дза* обозначает театры.

Постфикс – *дзи-дзи* обозначает буддистские храмы.

Постфикс – *рю-рю* обозначает названия стилей и направлений.

Постфиксы – *ся-ся* и – *дзя-дзя* обозначают синтоистские святилища.

Постфикс – *э-э* значит «рисунок». Обозначение художественных стилей в живописи.

Постфикс – *я-я* – обозначение торгового дома, заведения; также – хозяев подобных мест, принадлежность к определенной династии профессионалов и др.

Пролог

В морозном зимнем воздухе раздался стук деревянных колотушек: клак! клак! Они отмеряли полночь – час, когда закрывались главные ворота, но бессонную Ёсивару⁵ по-прежнему окрашивали багряные блики от фонарей.

В этот день отмечали праздник в святилищах Инари⁶ и все веселые и чайные⁷ дома молились о большом наваре. Под каждой крышей висели крупные фонари с именами тружениц, на алтарях подносили абураагэ. Тут и там красавицы томными голосами зазывали и брали за руки прохожих, которые, возможно, на самом-то деле просто шли на поклон в святилище Куросукэ-Инари. Не стихал радостный гогот и шум пирушек, бренчали сямисэны⁸.

За суетой алой ночи со второго этажа борделя наблюдала одна женщина. В комнате спиной к окну сидел еще и муж-

⁵ Ёсивара (яп. ##) – район в Эдо (ныне Токио), где легализована проституция. (Подробную историческую справку см. в разделах «Социально-политический контекст» и «Социальное устройство» на с. 217 и 223.)

⁶ Инари (яп. ##) – божество, отвечающее за изобилие. (Подробнее см. глоссарий на с. 282).

⁷ Под «чайным» домом (о-тяя; яп. ####) в эпоху Эдо подразумевалось развлекательное заведение, предлагающее алкоголь и сексуальные услуги.

⁸ Сямисэн (яп. ####) – традиционный трехструнный инструмент, как правило обтянутый кошачьей или собачьей кожей. Считался инструментом «низкой» городской культуры: простонародного театра и веселых кварталов.

чина, по всему видно – ее клиент. Он наливал сам себе подогретое саке.

– Жаль, мы не сходили в Куросукэ, – обратилась она к нему, выпуская изо рта белое облачко пара.

В святилище, расположенном на углу Второго квартала Кёмати, молились не только об успехе в делах, но украдкой еще и о любви. Местные жительницы очень почитали это место, несмотря на его скромный размер.

– На Хацуума⁹ –то? Меня уже в лавке заставили Инари поклониться, да так, что слышать о празднике больше не могу. Нет уж, не для того я сюда притащился, чтоб опять поклоны отбивать, – проворчал мужчина.

От гуляний за окном его явно воротило, и он опрокинул в рот очередную чарку саке.

Женщина оторвала взгляд от изукрашенной улицы и обернулась к собеседнику. Тот снова себе наливал.

– Дружочек, не пора ли и меру знать? Вы сегодня много-много пьете.

Она опустила на колени рядом и положила холодные пальцы на тыльную сторону разгоряченной ладони, сжимающей чарку.

– Заткнись! – вдруг заорал мужчина и отпихнул ее.

Напиток выплеснулся на циновку, а куртизанка, тихо вскрикнув, повалилась на пол. Гость даже протянул было ру-

⁹ Хацуума (яп. 祭) – праздник, отмечаемый во втором лунном месяце. (Подробнее о праздниках и японском календаре см. на с. 234.)

ку, но тут же снова скривился, прищелкнул языком и вместо этого восполнил пролитое.

– Я, кстати, сегодня по пути видел местную ойран, – безразличным тоном и даже не глядя на упавшую бросил он.

Та молча поднялась и поправила прическу.

– Вот это я понимаю – женщина. В ней и лоск, и страсть... – И он предался воспоминаниям о пышной процессии. Его душа явно витала где угодно, только не здесь.

За окном запырило – удивительно легко для этого месяца. В воздухе заплясали покрасневшие в сиянии бесчисленных фонарей снежинки.

– Выкупить ойран из большого дома стоит тысячу рё¹⁰, – как ни в чем не бывало и даже с искоркой смеха в голосе сообщила ему женщина.

– Тысячу рё...

Тот задумался еще крепче. Видя, как переменялось его лицо, она чуть перевела дух.

В то время правил десятый сёгун из рода Токугава, Иэхару¹¹, и Ёсивара блистала в Эдо, будучи единственным увеселительным районом, существование которого признавало правительство. Каждую ночь три тысячи работниц принимали клиентов в самых разных заведениях, плотно притертых

¹⁰ Рё (*яп.* #) – мера веса, примерно равная 16,5 г, однако здесь имеется в виду номинал золотых монет. Тысяча рё – баснословная сумма денег. (*Далее систему измерений см. в глоссарии на с. 268.*)

¹¹ Время правления Токугавы Иэхару (*яп.* #####) – 1760–1786 гг.

друг к другу и занимавших целых пять кварталов, однако только три из них могли по праву считаться «большими домами».

Лучшие из лучших куртизанок назывались ойран. Каждая из них отличалась редкой красотой, многогранными талантами, удивительным характером и волей – эти красавицы пленяли воображение всех мужчин в Эдо. Никого не удивляло, что даже за однуединственную ночь с такой исключительной женщиной большие дома требуют не меньше неслыханных пятидесяти рё. Ойран принимали у себя только настоящих богачей, а обычным обывателям такая птичка была не по средствам. Поговаривали, что освободить ее – то есть выкупить из заведения – стоило тысячу рё. От таких денег темнело перед глазами.

– Ну, если изловчиться, вполне подъемная сумма, – промолвил мужчина, не успела любовница с облегчением выдохнуть.

Она тут же воззрилась на него округлившимися глазами. Огонек в вытянутом фонаре, который освещал комнату, вздрогнул. Клиент, однако, не удостоил женщину даже взглядом, только заулыбался собственным мыслям: «Если дела продолжат идти в гору, так, глядишь, и тысячу рё скопить – вопрос времени. А с такими деньжищами и первойшую ойран в Эдо выкупить – не пустые мечтания. Как, наверное, приятно держать дома такую жемчужину, и только для себя... Ха-ха, да я тогда в Ёсивару больше ни ногой».

Еще какое-то время он упивался мечтаниями, а потом проворчал, что как-то в комнате похолодало, и заполз под одеяло. Хмель, видимо, брал свое, и мужчина тут же засопел.

Поначалу красавица просто уставилась в никуда. Ее глаза опустели, и она долго так сидела не шелохнувшись. Вдруг по щекам покатались слезы. Она всхлипнула, но бесшумно, чтобы не потревожить сон храпящего гостя, и тихо заплакала, крепко сжав рукава, которыми утирала лицо. Грудь сдавило, и чем отчаяннее она пыталась подавить нахлынувшие чувства, тем безудержнее струились по лицу капли.

Вдруг ее лоб пронзила боль. От неожиданности она сжала голову руками. Виски пульсировали. Ее бросило в жар. Кровь неистово разогналась по жилам. Куртизанка почувствовала, как ее охватывает что-то чужеродное, никак не подчиняющееся воле. Слезы утихли, она зажмурилась и попыталась успокоиться, однако зловещее превращение неумолимо терзало ее. Дыхание сбилось, и несчастная скорчилась на полу.

– Заткнись, а?

Женщина распахнула глаза. Мужчина лежал отвернувшись, и одеяло мерно поднималось и опускалось в такт его дыханию. Видимо, он просто бормотал во сне.

Ничего не выражающим взглядом красавица буравила его спину. Она все еще обливалась холодным потом, но боль ушла. По ледяной щеке прокатилась новая слеза.

Разрозненные снежинки невпопад засыпали земли Ёсива-

ры, а в глазах и слезах женщины, будто отблеск фонарей, за-
жглись кровавые огоньки.

Глава 1

Послышались звуки сямисэна. Это играла «Сугагаки», возвещая о том, что ночные заведения вновь открыли свои двери. Музыка плыла на волнах весеннего воздуха, зазывая гостей отведать чувственных удовольствий.

Через единственный вход в район – его главные ворота – устремились плотным потоком мужчины со всего Эдо. Кто заглядывал в любимые чайные домики, кто интересовался ценами сидящих за деревянными решетками девиц. Местные зазывалы не обращали внимания на откровенных бедняков, но мгновенно подмечали малейший интерес со стороны более состоятельных зрителей и тут же подскакивали, чтобы не дать их пылу угаснуть.

Кто-то собирался целыми компаниями, которые с местным путеводителем в руках шумно и весело продумывали планы на сегодняшний вечер. Кто-то – вроде самураев¹² и порочных священников – надвигал пониже на лицо плетеную соломенную шляпу и старался шагать как можно скорее. Точно птицы, слетевшиеся на сладкий цветочный аромат, через ворота один за другим просачивались мужчины.

– Тут всегда так привольно! Я слышал, за пределами Эдо жизнь сейчас совсем не медовая, но глянешь на Ёсивару –

¹² Самураи с XVI до середины XIX вв. считались элитой, и их появление в кварталах удовольствий порицалось, отчего они старались сохранять инкогнито.

и не верится.

– Ага! Говорят, на севере народ уже селами мрет от голода. А тут еще и вулкан на Цугару взорвался!¹³

Шли годы Тэммэй¹⁴. Постоянные холода и наводнения губили посевы, страну потрясали беды одна ужаснее другой. Урожай не вызревал, а деревни так обнищали, что крестьянам приходилось питаться мертвечиной.

В довершение прочих несчастий на Цугару случилось извержение вулкана Иваки. От пепла, что окутал землю, померк солнечный свет. Люди в страхе перед гневом горных богов окончательно пришли в смятение.

– Там люди гибнут, а чиновники так до сих пор палец о палец не ударили. Уже сам император милостиво изволил выразить тревогу!

– Да как же, изволил он! Байки! Оно, конечно, может, и приятно, но даже сын Неба не посмеет и слова сказать сёгунату.

В те годы из императорской столицы доносилось много слухов о том, что аристократы, приближенные двора, недовольны бездействием военного правительства, которое не придумало, как обуздать голод.

Вот только счастливая звезда аристократии уже давно за-

¹³ Цугару (яп. #####) – равнина на севере главного острова Японии, Хонсю. Речь идет об извержении вулкана Иваки в апреле 1783 г., усугубившем и без того неблагоприятный климат.

¹⁴ Период с 1781 по 1789 гг.

катила. С тех пор как бразды правления перешли к сёгунату, придворным запретили вмешиваться в его дела, не говоря уж о том, что живому богу на земле, императору Томохито, тогда не исполнилось и тринадцати лет.

Впрочем, возможно, все эти беспочвенные слухи были порождены сердцами людей, недовольных неповоротливостью и бездействием правительства.

– О, взгляни, взгляни! Метель из лепестков!

– Какая красота... Мы как будто на тот свет попали.

– Да какое там. Просто Ёсивара – блаженная земля в нашем бренном мире!

Шел месяц яёй¹⁵, и в квартале Наканомати, что прямо у ворот Ёсивары, всюду цвели сакуры, а висящие на ветвях круглые бумажные фонари-бомбёры чарующе подсвечивали их в сумерках. Лился свет и из плотно примыкающих друг к другу чайных, где уже начались попойки. Горели выставленные у каждого заведения деревянные фонари-домики, мерцал вдалеке неугасимый фонарь Акиба. Если Эдо к ночи темнел, то Ёсивара, наоборот, наполнялась сиянием. В час Петуха¹⁶, когда закатывалось солнце, алые огоньки района в темноте зажигали сердца мужчин сладкой истомой.

Если немного пройти по Наканомати, а потом свернуть

¹⁵ Яёй (яп. 月, букв. «месяц произрастания») – третий месяц в году, примерно соответствует апрелю.

¹⁶ Часу Петуха приблизительно соответствует период с 17:00 до 19:00. (Далее термины древнеяпонской системы исчисления времени см. на с. 266.)

направо, впереди покажутся деревянные ворота с надписью: «Первый квартал Эдомати». Толпа бурлила на всех улицах Ёсивары, но сюда, ко входу в большой дом «Куроба-я» стекалось особенно много народу, и слугам заведения приходилось срывать голоса, чтобы зеваки не досаждали красавицам излишним вниманием.

Великолепное строение, полностью оправдывающее звание большого дома, в ширину занимало тринадцать кэн, а вглубь квартала уходило на все двадцать два. На пороге громоздились целые стопки бамбуковых пароварок-сэйро с угощениями, увенчанные подносами из некрашеного дерева, здесь же складировались роскошные тройные футоны и изысканные ткани, посланные покровителями любимым куртизанкам вместе с другими дорогими подарками.

Выходящую к улице витрину дома, на которой «выставляли» прелестных работниц, отгораживала деревянная решетка тонкой работы. Уже по ней одной чувствовалось, что «Куроба-я» – заведение высшего класса.

Роскошно наряженные девушки за решеткой восседали на ковре, щебетали друг с дружкой, писали письма покровителям и вообще проводили время как душе заблагорассудится. Их юность и красота ослепляли, а кое-кого из тех, кто собрался перед витриной, блестящий цветник приводил в восторженное исступление. Порой, заметив чей-нибудь пристальный взгляд, прелестницы оборачивались на гостей и одаривали их многозначительными улыбками, но тут же сно-

ва погружались в собственный мир, оставляя дыхателей мучиться от сердечных терзаний.

Вдруг толпа, осадившая вход в «Куроба-я», восторженно загудела. Входная шторка поднялась, и из-за нее вынырнул слуга со складным фонариком, на котором виднелся герб заведения, мон. За ним – две камуро¹⁷ лет семи с детскими, ровно подстриженными челками. Одеты они были в парные кимоно с узором в виде цветных полосок-носи, какими обычно украшают подарки, и с пятицветными плетеными кисточками-сасагэ на широких рукавах.

Местная публика без лишних объяснений знала, кого сопровождает такая свита, и люди мигом расчистили дорогу. Все взгляды приковались к шторке.

Вслед за камуро вышел высокий слуга чрезвычайно привлекательной наружности. За ним, положив изящную белую ручку ему на плечо и клацая высокими, покрытыми черным лаком гэта¹⁸, появилась куртизанка.

Ее накидку-утикакэ украшал сложный «придворный» орнамент: повозка с несущим благословение сочетанием веточек сосны, бамбука и цветущей сливы; вокруг нее – цветы пионов и ирисов, а между ними изломанными линиями пролегали мостки и плетни, летали витые облака. Спереди свисал широкий конец пояса-оби с изображением потока, несущего

¹⁷ Камуро (*яп.* #) – ученица куртизанки.

¹⁸ Гэта (*яп.* ##) – деревянные сандалии на платформах («зубцах»), число которых варьируется. Гэта ойран отличались большой высотой.

щего плоты с цветами. Низко оттянутый ворот кимоно давал украдкой полюбоваться белоснежной шеей и загривком. Из-под толстой подкладки у ног проглядывал, изящно колыхаясь, красный подол дзюбана¹⁹. Блестящие черные волосы девушки, уложенные в прическу ёко-хёго, напоминали распакнутые крылья бабочки. В них красовалась дощечка-когай и черепаховый гребень. В волосах надо лбом сверкали золотом четыре шпильки; из пучка сзади торчали две с красным агатом, а ниже еще две в форме сосновых игл. Поддерживал прическу декоративный узел, переплетенный золотыми нитями.

На гладкую и белую, словно жемчужную, кожу падал отсвет ламп-домиков, выставленных вдоль всей улицы, и щеки розовели едва заметным румянцем. Изгиб бровей выдавал живой ум, а под изящным носиком поблескивали в меру подкрашенные, прекрасной формы губы. Длинные ресницы обрамляли ясные, чистые, пусть и тронутые печалью глаза, лишь чуть-чуть подведенные в уголках красной тушью.

Еще недавно гудящая толпа совершенно затихла: неземная красота куртизанки, притянув все взгляды, сразила каждого.

– Небесная дева! – только и пролепетал один из мужчин.
Красавица опустила печальные глаза, свободную левую

¹⁹ Дзюбан (*яп. ##*) – нижний слой кимоно, предназначенный для защиты красивого верхнего слоя от прямого контакта с кожей. Несмотря на это, дзюбан также изготавливается из красивой ткани, особенно ворот, который виден из-под верхнего слоя кимоно.

руку держа у сердца, за пазухой. Даже под великолепным, пышным нарядом чувствовалось, как она стройна. Девушка чуть присела и провела правой ножкой, будто описывая на земле полукруг. Трехзубцовые гэта целых восемь сунов высотой клацнули, алый креп нижнего кимоно на миг показался из-под шикарного подола, и мужчины вокруг шумно сглотнули. Сделав шаг, куртизанка вновь выпрямилась и повторила то же движение уже левой ножкой.

Молодой слуга, несущий за ней высокий зонт, отступил в сторону, и за ними вышла хозяйка заведения, распорядительница, балагуры, развлекающие гостей на пиру, и музыканты. Пока куртизанка купалась во внимании зевак, затаивших дыхание, спутники следовали в такт ее необычной походке.

– Да здравствует Рури, первая красавица Японии! – выкрикнул кто-то из толпы.

Девушка изящно склонила головку и бросила взгляд на неизвестного. Тот, сраженный ее почти осязаемым шармом, мгновенно застыл как громом пораженный. Мужчины, стоявшие к нему поближе, тоже схватили ртами воздух и вытянулись столбами, будто позабыв, как дышать.

Рури при виде этой картины плавно приподняла уголки рта в улыбке и вновь обратила лицо вперед, явно довольная произведенным эффектом. В тот же миг толпа взорвалась ликованием. Кто-то бахвалился, что известная ойран заметила и его, другие наперебой восторгались, что воочию узре-

ли ее знаменитый взгляд мимолетного кокетства. Там же, куда она его бросила, уже спорили, кому он все-таки предназначался.

Под звуки «Сугагаки» и цоканье высоких гэта, окруженная вниманием теснящейся у дороги толпы и завистливыми взглядами, процессия ойран добралась до Наканомати, осыпаемого лепестками сакуры. Прохожие и гости на вторых этажах чайных домиков встречали ее восторженными криками, пока ойран неспешно шагала под цветочным снегопадом.

Лепестки, кружась, опускались на зонт. Рури подняла ясные глаза. Перед фонарем с названием чайного дома «Масу-я» на раскладном табурете сидел мужчина, которому явно перевалило за четвертый десяток. Вокруг его глаз уже собралась мелкая сеточка морщин, а в каждой черте лица чувствовалась незаурядность и мягкий характер.

Он встретился глазами с Рури, поднялся с места и шагнул на дорогу.

– Здравствуй, ойран! Рад нашей встрече. Даже неловко сознавать, что это я заказал такую блистательную процессию, – нежно улыбнулся он.

– И я рада, почтенный Тодзюро, – отозвалась Рури грудным, приглушенным, но пронизывающим до глубины души и приятно глубоким голосом.

– Всем известно, что сакуру в Ёсиваре высаживают на время цветения, а через каких-то десять дней, когда минует ее

лучшая пора, уберут. Традиция изящная, но обнажающая своевольную натуру человека.

Мужчина поднял глаза на пышно цветущие кроны, будто сетуя об их несчастной судьбе. Лепестки, подхваченные легким ветерком, мягко ложились на землю.

Наконец Рури покачала головой:

– Когда гляжу на эти весенние соцветия, меня охватывает осенняя тоска. Прошу, господин, навещайте меня, даже когда сакура покинет наше жилище.

Тодзюро ответил ей озадаченным взглядом:

– Вот это да. Чувствую, мне остается только полюбоваться еще одной процессией, на этот раз среди ирисов, которые придут на смену сакуре. Лишился последних оправданий!

Мужчина рассмеялся, и Рури тоже скромно улыбнулась.

Тут к ним вышла хозяйка чайного домика, до того державшаяся чуть позади:

– Почтенный господин Караману-я, Рури-ойран, у нас все готово для того, чтобы полюбоваться цветением за чарочкой саке. Лучший зал на втором этаже полностью в вашем распоряжении. Пожалуйста, проходите!

Под жадными взглядами зевак Тодзюро рука об руку с Рури удалились в заведение.

Глава 2

Однажды утром, когда солнце поднялось достаточно высоко и его лучи пролились сквозь сёдзи²⁰, в «Куроба-я», как и во всяком уважающем себя борделе Ёсивары, уже витал сладкий аромат местного деликатеса – пирожного *канробай*²¹. Сновали слуги и служанки, готовящие заведение к приему гостей, то и дело голосили торговцы – здесь давно пробудилась жизнь.

В коридоре на втором этаже послышались глухие шаги, а затем ведущая в комнату фусума²² с шумом отодвинулась.

– Рури! Сколько можно пролеживать бока?! Уже час Змеи! Вставай сейчас же! – гаркнула распорядительница О-Сэи.

Из-под одеяла поверх трехслойного футаона раздалось вялое мычание.

– Все, кроме тебя, давно позавтракали! Просыпайся немедленно, засоня!

О-Сэи неистово сорвала с ленивой ойран одеяло. Та по-

²⁰ Сёдзи (*яп.* ##) – раздвижная перегородка, состоящая из разделенного на секции деревянного каркаса, обтянутого плотной бумагой. Используются в традиционных японских домах вместо дверей и окон.

²¹ Канробай (*яп.* ###) – засахаренные зеленые сливы, завернутые в съедобные листья сисо, известны как деликатес Ёсивары.

²² Фусума (*яп.* #) – другой вид перегородок. В отличие от сёдзи, непрозрачны и не разделены на сегменты.

пыталась сопротивляться, но, еще толком не придя в себя, ничего не могла противопоставить дородной тетушке.

– Да что такое?.. Господин Янахиса дал мне хорошенько отдохнуть, не стал надолго задерживаться, и я уже успела окунуться в купальню, – капризно пожаловалась Рури, пытаясь вернуть похищенное.

Ночной работе в Ёсиваре предшествовала дневная. Обычно девицы, перед тем как выйти на витрины, ходили в общественные бани, однако большим домам, к которым относился и «Куроба-я», хватало средств на собственную купальню, чтобы их обитательницы привели себя в порядок, даже когда идти куда-либо почему-то было неудобно.

О-Сэи отбросила одеяло туда, куда куртизанка с постели при всем желании не дотянулась бы, и проворчала:

– Никаких возражений. Вставай! Зла на тебя не хватает. Даже канробай для гостей не помогаешь готовить, только на Новый год утаскиваешь у других девочек и даришь клиентам под видом своего!

Однако сонная ойран только отмахнулась от обвинений.

Рури, пожалованная высшим рангом среди куртизанок Ёсивары, занимала целых три зала: гостиную для приема гостей площадью двенадцать татами с токономой²³, спальню на восемь татами и за ними – небольшой, в шесть татами, зальчик, который служил ей подсобкой.

Из имущества у нее был перламутровый ящичек с при-

²³ Токонома (яп. ###) – декоративная ниша, украшение комнаты.

надлежностями для курения и узором в виде лотоса; лакированный футляр для чернильного камня с золотой камелией и журавлем, несущим веточку сосны²⁴; резная коробочка для сладостей, покрытая красным лаком, где Рури хранила всё, что ей требовалось для работы. За растянутым на вешалке-ико кимоно и ширмой с пестрым рисунком, в котором угадывались стайки летящих воробьев, прятался тройной футон из пунцового крепа, подбитый снизу сукном. Вокруг стояли подсвечники, столик для письма и туалетный столик с зеркалом. Токоному украшала ваза с голубым орнаментом в стиле *сёндзуй*, где девушка держала нежные пионы.

Одежда хранилась в окованном комоде из лакированной павлонии, какими прославились мастера из провинции Этидзэн, – тоже прекрасная, притягивающая взгляд вещь, но несколько терявшаяся на фоне изысканного, богатого убранства комнаты. Меньше всех же в нее вписывалась растрепанная хозяйка покоев, которая так и спала в распахнутом дзюбане.

– Все уже закончили завтракать и убрались. Вот, я принесла твою порцию, – протараторила О-Сэи, с грохотом опуская на пол столик с ножками– бабочками²⁵.

²⁴ Распространенный мотив в прикладном искусстве, пожелание долгих лет и счастья. (Подробнее о символике изображений и узоров см в глоссарии на с. 243.)

²⁵ Похож на восьмиугольный поднос на четырех ножках, которые представляют собой трехчастные «ширмы», расширяющиеся книзу и по форме отдаленно напоминающие бабочек. Обычно за такими столиками ела только высшая знать.

– Ого! Супчик с асари!²⁶

Стоило только Рури заглянуть в миски, как ее сонные глаза просияли. Она много ворочалась во сне, поэтому к утру красиво уложенные волосы превращались в настоящее гнездо.

– Ешь быстрее. Скоро придет Дзёкити. Кто ж еще приведет эти патлы в порядок...

О-Сэи нависла над Рури, чтобы она не удумала после завтрака снова уснуть. Девушка же, как была растрепанная, принялась за еду.

– Ах, все-таки супчик, который готовит Гон, так и растекается по языку, – блаженно пробормотала она, смежив веки, а затем набила щеки жареной рыбой и белым рисом²⁷.

У О-Сэи грозно сверкнули глаза.

– Не приведи судьба тебе когда-то вот так же забыться перед клиентом. Они ждут от тебя безупречной женственности и изящества.

– Сколько раз повторять? Знаю я. Только я со всеми этими манерами за вечер толком ничего не ем. Может, придумаете, как передавать мне рис, пока я якобы отлучаюсь в уборную? Я бы его мигом смолотила – и обратно за работу.

У О-Сэи чуть глаза на лоб не полезли.

²⁶ Асари (яп. 蛸) – съедобный моллюск. Часто добавляется в мисо-суп – суп из особой ферментированной пасты, очень полезный для пищеварения и часто употребляемый в конце приема пищи.

²⁷ Вопреки расхожему мнению, исторически белый рис не был едой простого японца. Еще один маркер высокого статуса Рури.

– Не мели чепухи! Не с твоим нарядом набивать брюхо. И ты ведь понимаешь, что я с тобой сделаю, если опорожнишь желудок прямо в опочивальне, в объятиях гостя?!

Ни на кого О-Сэи не кричала так, как на Рури, и остальные девицы, до которых тоже доносились ее громогласные угрозы, зашушукались:

– Ну и ну, опять они с ойран что-то не поделили! Каждый день одно и то же.

Тем временем распорядительница тяжело вздохнула, глядя, как обиженно набила щеки работница, и поставила в углу комнаты второй столик.

– А это для тебя, Эн.

В эти слова она, в отличие от всего предыдущего разговора, вложила много нежности.

Рыже-черный комочек, свернувшийся у изголовья роскошного футаона, издал протяжное «мяу». Почуввав завтрак, он сладко потянулся всеми четырьмя лапами и широко – так, что невольно испугаешься за его челюсть, – зевнул.

– Хорошо этим усатым. Ни приводить себя в порядок не заставляют, ни дрыхнуть не мешают, – проворчала Рури, неодобрительно зыркнув в сторону черепаховой кошки.

Эн, как называли питомицу, мяукая, прошагала к площадке с «кошачьим рисом»²⁸, щедро сдобренным рубленой стружкой

²⁸ Блюдо из риса, смешанного с мелко нарубленными белковыми ингредиентами. В описываемый период такое блюдо могли есть и люди из низших слоев населения, и даже обедневшие самураи. Тем же словом могли обозначаться и объедки, которые доставались животным.

тунца и отварными сардинками.

– У пушистых работа такая – спать, так что им можно. Правда, Энушка?

О-Сэи присела на корточки и, аж сощурившись в улыбке, залюбовалась трапезничающей кошкой. Та, словно не замечая направленного на нее взгляда, аппетитно уплетала завтрак.

– Вкусно, малышка? Ути-ути.

Распорядительница слыла заядлой кошатницей и прощала черно-рыжему зверьку намного больше, чем подопечной, которая все-таки вела более упорядоченную жизнь, чем ее питомица. Услышав, как сорокалетняя тетка сюсюкает с животным, словно с младенцем, ойран скривилась и даже немного потеряла аппетит.

Налюбовавшись своей баловницей, О-Сэи забрала у Рури столик, грозно велела умываться и ушла.

– Как же неохота! – пожаловалась девушка, поскребывая голову по дороге в коридор.

В центре двухэтажного здания прятался внутренний дворик с прудом, тщательно спланированный так, чтобы любое время года приносило в него особое очарование. Эту маленькую жемчужину и окружали комнаты, в которых жили местные работницы.

Рури спустилась по лестнице на первый этаж и тщательно умыла лицо, а затем стерла влагу перекинутым через плечо полотенцем. Тут же со всех сторон от слуг и молоденьких

учениц посыпалось: «Доброе утро, ойран! Как приятно видеть, что вы поутру всегда такая растрепана!» Девушка отделилась самым простым: «Доброе, доброе» – и вскоре поплелась обратно к себе.

Она намочила в деревянном блюде размочаленный ивовый прутик и, по-прежнему не до конца проснувшись, принялась чистить зубы, как вдруг ее окликнули из коридора:

– Это я, Дзёкити. Разрешите войти?

– А, Дцё! Милошти прошу, – промычала девушка, не вынимая щетку изо рта, и в комнату шагнул молодой человек с полным инструментарием парикмахера.

Именно на этого слугу опиралась во время выхода Рури. Стройный, высокий, пленительно красивый – просто-таки настоящий герой-любовник с театральных подмостков. Взгляд миндалевидных глаз скользнул по гнезду на голове девушки, но без упрёка, а затем молодой человек присел у туалетного столика и разложил на татами инструменты.

Прополоскав рот, присоединилась к нему и хозяйка покоев.

– Что пожелаете сегодня? – спросил Дзёкити, привычным движением пропуская сквозь торчащие во все стороны пряди гребень. С каждым движением к волосам возвращался лоск.

– Пожалуй... тэндзин²⁹, – дала ему задание Рури, а сама

²⁹ Тэндзин (яп. ##) – название причёски. Пучок на границе макушки и затылка, в котором часть волос расходится бантом, а часть оборачивает этот «бант»

принялась пудрить лицо и шею.

Ее кожа и без белил отличалась жемчужной красотой, но хозяин публичного дома Кобэй любил повторять, что мужчин сводит с ума запах пудры, ненавязчиво намекая, что краситься все равно надо.

– Сегодня у меня свидание с господином Нидзо, а он очень любит тэндзин попышнее.

Она имела в виду молодого наследника лесосклада из Фукагавы. Он умел сорить деньгами и не скупился ни на слуг веселого дома, ни на балагуров, ни на музыкантов с поварами. Разумеется, и ту, что дарила ему ночь блаженства, молодой человек осыпал золотом.

– Нет, ойран, сегодня вы не работаете, – вдруг огорошил ее Дзёкити, напомаживая роскошные черные волосы.

– Как?

Рури тут же прекратила белиться, нахмурилась и обернулась на парикмахера. Тот вежливо попросил ее не дергаться и с бесстрастным видом повернул голову девушки обратно к зеркалу.

– Ай! Молодой господин Нидзо уже давно порывается передать мне какое-то чудесное древесное благовоние, но много дней подряд никак не мог ко мне попасть из-за других любезных господ. Я даже по письму почувствовала, как он счастлив, что сегодня мы наконец встретимся.

Нидзо прославился как ветреник, умевший красиво про-

гулять кругленькую сумму на любые развлечения, которые мог найти в Эдо, но с тех пор, как повстречал в «Куроба-я» Рури, влюбился с первого взгляда и посвятил себя исключительно ей. Вот только куртизанки ее класса не принимали больше одного клиента за ночь, и, чтобы увидеться с ней, требовалось неистощимое терпение и не меньшее влияние. Нидзо, пусть и опытный повеса, все же заметно уступал бывалым клиентам, и Рури нещадно отодвигала свидания с ним на потом.

– Даже обидно за бедняжку. Я думаю, он со вчерашнего вечера как на иголках и не сомкнул ночью глаз.

– Сегодня у вас заказ другого рода, – коротко объяснил Дзёкити, ни на миг не отрываясь от работы.

Девушка бросила на собеседника взгляд через отражение в зеркале, но быстро отвела и принялась увлеченно белить грудь. На ее лице застыло недовольство, и она заговорила еще тише прежнего:

– Вот это да, какие неожиданные новости... Раньше надо предупреждать. Конечно, этому молодчику двадцать два, выносливости в постели ему не занимать, и болтать потом приходится тоже долго – я от таких гостей устаю, но ведь теперь придется составлять письмо с извинениями!

– Я лишь передаю слова хозяйки. Нам с Гондзо тоже сообщили только что, и мы ломаем головы, кому перепоручить сегодняшние дела.

В голосе Дзёкити чувствовалось легкое раздражение, хотя

по невозмутимому лицу не пробежало ни тени.

– Ого, и у тебя, выходит, сплошные хлопоты. – Рури перестала хмуриться и тяжело вздохнула. – Значит, необязательно тэндзин. Давай тогда татэ-хёго³⁰, и шпилек поменьше. Неохота тяжести на голове таскать.

– Хорошо. Подробности хозяйка сообщит сама ближе к вечеру.

С этими словами Дзёкити проворно собрал волосы подопечной в причёску.

– Она хоть сказала, куда нам?

– Только в целом. За мост Адзума, куда-то в Осиагэ.

Рури просветлела:

– Да это же совсем недалеко! Если пораньше закончим, можно будет выпить с Цуюхой и всей честной компанией!

Досаду как рукой сняло, и теперь Рури чуть не напевала.

Из-за ее спины раздался голос:

– Что выпить? Саке Абурабо?

Тот, кто задал вопрос, грациозно проплыл из спальни в гостиную, где парикмахер причёсывал куртизанку.

– Эн! Ты что, опять спишь?

Черепашовая питомица сладко зевнула и ответила отражению девушки:

– О-Сэи не напраслину порет, работа у нас такая, вот я и

³⁰ Татэ-хёго (*яп. ###*) – еще один вид пучка. Волосы, связанные в хвост, сворачивают небольшой стоячей «шишкой», а остаток длины оборачивают вокруг ее основания. Такую причёску первоначально носили женщины невысокого социального статуса, и она считается простой.

выполняю свой долг.

– Ни стыда ни совести. Обычные животные, услышав о выпивке, не просыпаются, – насмешливо упрекнула ее Рури, при этом ни капли не смущенная кошачьей болтовней.

Дзёкити, верный себе, тоже не дрогнул и молча выполнял свою работу.

– И вообще, дорогуша, за чей счет пир? За мой!

– Я с большой отрадой наведуясь за Цуюхой и ее друзья-ми, – все так же довольная промурчала кошка, а Рури с сомнением ответила:

– Кажется, я ясно сказала: «Если закончим пораньше». То есть если вернусь до того, как заведение закроется.

– Я понимаю. Пока не воротись, буду терпеливо ждать. И скажу Абурабо, чтобы прихватил лучшего sake!

Эти слова немного смягчили Рури.

– Главное, что понимаешь. Хотя я и сама только рада поскорее расправиться с хлопотами.

– Готово, ойран, – тихо объявил Дзёкити, который за это время не проронил ни слова.

В волосы цвета воронова крыла, собранные теперь в пучок татэ-хёго, он вставил четыре гребня из черного дерева. Сбоку скромно сверкала шпилька с нанизанной на нее круглой нефритовой бусиной и еще одна – двойная, веерообразная, инкрустированная перламутром.

– Дзё, ты настоящий мастер. И так быстро все делаешь! Уверена, умелец вроде тебя без работы не останется, даже

если «Куроба-я» когда-нибудь не станет. А еще ты не просто умелец, но и красавец, – заключила она с многозначительной улыбкой.

Обычно публичный дом вызывал для своих работниц парикмахера, который по очереди наводил красоту на голове каждой из них, но Рури так нравились ловкие пальцы Дзёкити, что она сделала его собственным мастером.

Как правило, у него в «Куроба-я» и без того хватало дел, тем не менее к капризам лучшей ойран приходилось прислушиваться даже хозяину заведения Кобэю. Так и вышло, что Дзёкити захаживал к Рури каждое утро, чтобы привести ее волосы в порядок.

– Скорее переодевайтесь и не медлите с письмом для молодого господина, – посоветовал он, ни капли не смущенный ее подтруниваниями, и собрал инструменты. – Разрешите откланяться.

Он ушел даже прежде, чем Рури, по-прежнему не отворачиваясь от зеркала, недовольно уткнула.

– Неохота ни на витрине сидеть, ни письмо писать! – пожаловалась она. – Что бы такое придумать? Что я занемогла? Эх, а вечером-то сколько будет хлопот!

– Зато потом не придется ни с кем церемониться и закаташь застолье! – подбодрила ее кошка, пристраиваясь рядом и принявшись вылизываться.

Рури улыбнулась:

– И то верно. Значит, постараюсь как можно быстрее по-

кончить с делами. Во имя сладкого sake!

И вот с последними штрихами румян и помады образ обворожительной ойран был завершен.

Глава 3

– Куда только всех унесло?

На набережной, окутанной завесой ночи, горел единственный огонек – фонарик с зазывающей надписью «Соба» над прилавком передвижной лапшичной, и компанию хозяину составлял одинокий выпивоха. Посетитель закатал рукава юкаты³¹ и вытянул загорелые до черноты ноги, чтобы их овевал ветерок.

Больше по улице даже прохожие не слонялись, тишину нарушала только болтовня этих двоих да разве что журчание реки.

– Обычно ж к этому часу собирается толпа... и тележек со снедью приезжает побольше... – заплетающимся от выпивки языком проворчал гость.

Горожане облюбовали набережную в квартале Осиагэ, потому что от речушки поднималась блаженная прохлада. Все любили после рабочего дня насладиться здесь приятными видами. Может, это и не самый оживленный район, но лавочники, торгующие инари-дзуси³² и тэмпурой³³, порой привозили свои телеги в надежде хорошенько нажиться, да и де-

³¹ Юката (*яп.* ##) – легкое летнее кимоно.

³² Инари-дзуси (*яп.* #####) – вид суши, где рис заворачивается в «конвертик» из абураагэ.

³³ Тэмпура (*яп.* ####) – особый вид кляра, а также блюда, в нем приготовленные.

шевую выпивку здесь предлагали охотно.

Однако по какой-то причине сегодня не было ни людей, ни торговцев, а обычно умиротворяющий плеск речушки в опустившейся тишине действовал на нервы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.